

и поборники «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Однажды жители американского города Кливленда увидели афиши, извещающие о том, что в городском оперном театре «Мюзик-карнавал» состоится премьера оперы Пуччини «Тоска» с участием звезд нынешнего сезона в главных ролях. Приобретая билеты, обитатели Кливленда наивно думали, что перенесутся в Рим 1800 года и вновь будут переживать драматическую историю любви Тоски и Каварадосси. Но...

Впрочем, сделаем некоторое отступление.

Задолго до появления афиши между руководством кливлендского театра и помощником управляющего театра «Метрополитен-опера» Джоном Гутманом состоялся разговор. Гутман должен был написать к опере Пуччини новое либретто; заказчик требовал приблизить его к современности.

Разговор, видимо, происходил в таком виде.

Заказчик: Рим XIX века? Зачем? Что-нибудь поновее — наши дни, и главное, повосточнее...

Исполнитель (Гутман): Понятно, столица восточноевропейского государства. Наши дни? Тоже ясно. Ну, что ж? Начальника римской полиции Скарпиа сделаем коммунистом, Тоску — храброй поборницей идеалов свободного мира. Каварадосси?.. Он, кажется, художник? Превратим его в колеблющегося интеллигента, подпавшего под влияние сильной личности — нашей Тоски, — и он малюет контрреволюционные плакаты! Название боевика и музыку придется оставить — надо же чем-нибудь привлечь зрителя. Пусть старик Пуччини поработает на нас!

Заказчик: Отлично! Действуйте.

И вот — премьера.

Кабинет, обставленный в стиле «ультрамодепи». За столом у радиоприемника сидит офицер в мрачной черной форме. Это «руководитель коммунистической организации товарищ Скарпиа». В кабинет для «допроса с пристрастием» вводят в арестантском рубище «защитника свободы» — приятеля Каварадосси. Скарпиа, раз-

валясь в кресле, лениво вкалывает в петлицу красную гвоздику, что должно лишний раз указать на то, что он из «красных». Во втором акте такому же допросу подвергается Каварадосси. Чтобы не выдать своего возлюбленного, Тоска хладнокровно слушает, как его пытаются: через переговорное устройство, нарочно невыключенное Скарпиа, слышны стоны Каварадосси. Третий акт перемежается возгласами Тоски («Если пробьется в аэропорт, мы спасены!») и отчаянными криками мятежников за сценой. На десерт — десятиминутная агония Тоски, закалываемой кинжалом.

Все это и было преподнесено ошарашенным кливлендцам.

Так пропагандисты «холодной войны» не гнушаются ничем, чтобы разжечь ненависть к социалистическому миру.

Но что, кроме омерзения, может вызвать у цивилизованных людей эта грязная и неумная стряпня?

Ю. КУПИНСКИЙ.

«Советская культура»
г. Москва

16 ЯНВ 1956